

Рельсы, рельсы, шпалы, шпалы.
Вышибалы. Выживалы.
Прыгалка, скакалка.

Форест, винтер, рельсы, шпалы.
Он ли едет обветшалый,
старенький, болезный,
бедный поезд санитарный,
точковатый, запятарный?
Не взлетит над бездной!

Палка, палка, огуречик.
Вот и вышел человечек,
а куда - не понял.
Нам его немного жалко.
Палка, палка, палка, палка,
палка, палка, помер.

MENAGERIE, МЕНЯ ЖРИ!

1. шерсть

Здесь живут звери -
большие звери,
средние звери и
малые звери,
звери, которым нравится жить в вольере,
и звери, которым не нравится жить в вольере,
и звери, которые на личном примере
доказали, какие они звери,

звери, повисшие вниз головой на хвосте,
и звери, обретшие старшего брата в хлысте,
звери, которых убедили, что они - те,
и звери, которых убедили, что они - не те,
и звери - охотники до других зверей в темноте,

звери, чья шерсть даёт работу сукну,
звери, рвущие когтем струну,
звери, воющие на луну,
и звери, устроившие войну.

И я просыпаюсь без чего-то шесть
от того, что желаю кого-то съесть,
и ветер клювом щекочет вставшую дыбом шерсть.

2. трах тибидох!

Государь, расплети свои белые косы!
Совиные крылья, ни пуха вам, ни пера!
В наше окно залезли пиндосы.
Но мы победим, выкинув труп Петра.

В соседнем селе - штурм векового загса.
На крыльце златом гаданье - кто нам не наш.
В лесу раздаётся топор англосакса.
Но мы победим, дотла спалив Эрмитаж.

Звонили, звонили богу - да номер занят.
Или вне зоны доступа бороду бреет бог.
Нас не убьют, а понарошку ранят.
И мы победим... Трах тибидох!

3. не понимаю

Прибавляю, отнимаю,
скоро стану убывать,
но никак не понимаю,
как мы смеем убивать.

Как вот тот, кто был младенцем,
кто сопел, уча урок,
душит банным полотенцем,
нажимает на курок?

Вот жила-была принцесса,
ей навстречу - серый волк.
Сказки Битцевского леса.
Составитель - Святополк.

Вот, командующий Градом,
поражает брата брат -
и командующий адом
поражающему рад.

Отрок Митя разбежится,
поскользнется - и на нож.
Чем нам Углич не столица?
Чем тебе, моя царица,
я, убийца, не пригож?

Пну обугленного берцем -

так и надо грязным шмерцам.

Как вот тот, кто был младенцем
и цеплялся за сосок...

Ах, Освенцим, мой Освенцим,
ты не низок, не высок.

Мышка

вот идёт счастливый человек
и вокруг взирает без опаски,
а за ним - несчастный человек
(у него слезящиеся глазки),
а за ними - голый человек
даже без набедренной повязки,
а за ними - первый человек
в старой гэдээровской коляске,
а затем - последний человек,
за повозкой, за последним хаски

Пушкина весёлого везут,
Гоголя усталого везут,
Мусоргского пьяного везут,
боярыню Морозову везут,
мамонтёнка юности везут,
чтобы заморозить нас во льду.
И к стене, приклеенной ко лбу.

Вот приходит младшая любовь,
чтобы печь из человека пышку.
Вот приходит средняя любовь,
над повидлом вкручивая крышку.
Вот приходит старшая любовь,
превращая человека в мышку.

тихо тихо к сердцу и уму
я тебя любимую прижму

[Страница автора в сети](#)

